

Аннотация: В статье подвергнута критике концепция юридической ответственности как исключительно позитивного свойства субъектов права. Показана обусловленность юридической ответственности объективными свойствами права как институционального регулятора общественных отношений.

Ключевые слова: право, юридическая ответственность, чувство ответственности, позитивная ответственность, негативная ответственность, правопорядок.

В преамбуле Конституции РФ, в частности, говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации ... исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации».

Ст. 54 Конституции РФ гласит: «1. Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. 2. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон».

Хотя в обоих случаях говорится об ответственности, ясно, что речь идет о разных явлениях.

В преамбуле Конституции ответственность упоминается в качестве одного из мотивов принятия Основного закона. Чем руководствовался многонациональный народ России, принимая Конституцию РФ? Он исходил, в частности, из чувства (сознания) ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

Чувство (сознание) ответственности – один из характерных мотивов поведения человека, соизмеряющего свои поступки и их возможные последствия с требованиями социальных норм. Оно выражает устойчивую потребностно-мотивационную ориентацию субъекта на исполнение своего гражданского долга, нравственных, правовых и иных обязанностей. Указанное чувство присуще и любящему родителю, заботящемуся о судьбе своих детей, и рачительному хозяину, бережно относящемуся к своему имуществу, и государственному деятелю, обремененному многочисленными обязанностями общественного служения. В градации социальных чувств, чувство ответственности, бесспорно, должно быть отнесено к так называемым высшим чувствам, наряду с чувствами чести, совести, справедливости, патриотизма и др. Как и последние, чувство ответственности является продуктом социализации человека, результатом усвоения известных ценностей и норм, определяющих его отношение к другим людям (обществу, государству) и самому себе.

В ином свете предстает ответственность в контексте ст. 54 Основного закона. Здесь ответственность выступает в виде особого законодательного установления, нормы объективного права, и в качестве таковой существует независимо от чьих-либо субъективных представлений, переживаний, чувств, независимо вообще от того, сознает отдельный субъект сам факт установленной законом ответственности, или не сознает, относится к нему положительно, отрицательно или еще как-либо. Конституционный законодатель вполне определенно связывает наступление ответственности с совершением правонарушения и особо оговаривает требования, касающиеся обратной силы закона, устанавливающего, отягчающего, устранивающего или смягчающего ответственность.

Надо сказать, что подобные примеры использования законодателем термина «ответственность» не единичны. Так, в Федеральном законе РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации» местное самоуправление определяется как «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая... самостоятельное и под свою ответственность (курсив – В. Р.) решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций». В то же время, глава 10 указанного Закона посвящена вопросам ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами. Закон регламентирует основания указанной ответственности, порядок ее реализации и т.д. [1].

Ответственность в смысле осознания субъектом своего социально-правового долга, добровольного и высокосознательного осуществления предписаний правовых норм, субъективных прав и обязанностей, в юридической литературе получила наименование позитивной (перспективной) юридической ответственности. Ответственность же в виде предусмотренной законом (договором) обязанности претерпеть определенные лишения государственно-властного характера за совершение правонарушение, называют негативной (ретроспективной) юридической ответственностью.

Содержание и соотношение позитивной и негативной ответственности остается предметом острой дискуссии в нашей науке на протяжении десятилетий [2, с. 14-63]. Что стоит за указанными терминами – специфические стороны (аспекты, формы проявления и пр.) сущности единого правового феномена, или все же разные по своей сути явления?

Анализируя состояние ведущейся полемики вокруг понятия позитивной ответственности в праве, О. Э. Лейст приходил к выводу, что «распространение идеи «правовой позитивной ответственности» пока что не вышло за пределы узкого круга специалистов-теоретиков и практически выглядит как уговаривание одних правоведов другими правоведами относиться к запретам, обязанностям и правопорядку с уважением» [3, с. 254].

Однако публикации последних лет свидетельствуют о том, что ситуация в указанной сфере меняется. Идея позитивной ответственности получает все большее признание среди правоведов и активно используется не только в монографических и иных специальных работах [4, с. 28-42], но и в учебной литературе [5, с. 518-523]. То есть она все-таки вышла за рамки узкого круга специалистов. Более того, если до недавнего времени камнем преткновения был вопрос о правомерности включения в содержание юридической ответственности так называемого позитивного аспекта, само же традиционное понимание юридической ответственности как последствия правонарушения оставалось в принципе незыблемым, то сегодня наблюдается противоположная тенденция. Суть ее состоит в том, что традиционное видение юридической ответственности признается не только неполным, односторонним и т.п., но и в сущности неверным. И хотя последняя точка зрения пока не получила широкого распространения, она, как и любая крайность, заслуживает особого внимания, поскольку высвечивает такие аспекты концепции позитивной правовой ответственности,

которые в рамках «умеренных» или «компромиссных» теорий позитивно-негативной ответственности обычно присутствуют в своеобразном завуалированном виде.

Последовательным сторонником коренного пересмотра теории юридической ответственности является А. С. Бондарев. В своих многочисленных публикациях он пытается доказать, что юридическая ответственность является «исключительно позитивным свойством субъектов права» и «что юридической ответственности в ретроспективном аспекте не существует в природе современного общества» [6, с. 134].

По мнению А. С. Бондарева, ученые-юристы, отстаивающие понимание ответственности как реакции на правонарушение, игнорировали в своих исследованиях положения философии и социологии относительно природы социальной ответственности как родового понятия. Следствием этого явилось отождествление юридической ответственности с наказанием. По инерции такое представление сохраняется по сей день, и «в отечественной теории права одним термином объединены не два аспекта или две формы реализации юридической ответственности, а два принципиально различных правовых явления, требующих своих собственных названий» [6, с. 141]. Радикально указанное заблуждение может быть преодолено, полагает автор, если современные юристы отойдут от советской традиции в трактовке юридической ответственности и при решении этого вопроса будут опираться на философско-социологические исследования и работы дореволюционных авторов.

Что же представляет собой юридическая ответственность? Это «правовое свойство (качество) самого субъекта права, содержание которого выражено в знаниях им своих статусных правовых обязанностей, умении распознавать момент их конкретного возникновения в процессе своей правовой жизни, осмыслении ценности их для собственных и общественных интересов, положительной эмоционально-чувственной оценки и волевого воплощения их в своем правомерном поведении» [6, с. 136]. Юридическая ответственность, подчеркивает А. С. Бондарев, это «живое» правовое явление. Она неотделима от субъекта права. С исчезновением последнего, исчезает и его юридическая ответственность. «Живет» же юридическая ответственность в неразрывном единстве двух сторон, или «в двух ипостасях: с одной стороны, в указанных выше психических правовых явлениях субъектов права (внутренняя, внешне невидимая сторона юридической ответственности), а с другой – в их правомерном поведении, обусловленном и направляемом этими психическими правовыми явлениями (внешняя, видимая сторона юридической ответственности)» [6, с. 136].

Свойство юридической ответственности присуще далеко не всем субъектам права. Им обладают только субъекты социально-активного и привычного правомерного поведения. Маргиналы, конформисты, тем более, правонарушители, обладают другим свойством – безответственностью. Именно безответственность и является антиподом юридической ответственности [6, с. 136, 143].

Как видим, А. С. Бондарев пытается свести понятие юридической ответственности всецело к так называемому позитивному аспекту и при этом представить ее в виде явления сугубо психологического плана. Ответственность есть особое состояние (качество) сознания субъекта, характеризующееся знанием своих обязанностей, их положительной оценкой и т.д. Там, где такого качества сознания нет, - там нет и юридической ответственности. Поэтому привлечь к юридической ответственности либо освободить от нее, по мнению автора, невозможно в принципе. «Правонарушителей (лиц, пораженных юридической безответственностью) можно и нужно привлекать только к юридическому ответу, а не к ответственности и юридическому наказанию, и освобождать их нужно не от юридической ответственности

(от которой они и так во многом свободны, ее у них не воспитали), а от юридического наказания полностью или частично по тем или иным юридическим основаниям» [7, с. 93].

Хотя А. С. Бондарев говорит о неразрывной связи внутренней и внешней сторон ответственности, в действительности внешняя сторона (поведение субъекта) не играет в его концепции какой-то самостоятельной роли и оказывается не более чем проекцией субъективных состояний личности. Об этом недвусмысленно говорит и сам автор: «Правомерное поведение субъектов права, таким образом, не всегда бывает юридически ответственным именно из-за того или иного дефекта его психологической стороны: простого незнания тех или иных статусных обязанностей; неверной оценки их значения для себя и общества; неумения пользоваться источниками права; нерешительности в принятии правовых решений и слабости в их реализации; безразличного, а то и враждебного отношения к праву вообще или к тем или иным правовым нормам, их институтам и т.д. Таковыми являются конформистское и маргинальное правомерное поведение субъектов права. Они наряду с правонарушениями суть свидетельства юридической безответственности данных субъектов права» [6, с. 136].

Если принять во внимание, что правосознание значительного числа граждан современной России, не исключая и юристов, в той или иной мере страдает различного рода дефектами (например, пробельностью), то следует заключить, что юридическая ответственность является большой редкостью в нашей правовой системе. Во всяком случае, вне сферы указанной ответственности находятся правонарушители, а также те субъекты правовой жизни, которые в силу каких-то причин не имеют достаточного объема юридических знаний, не умеют правильно пользоваться законодательством и другими источниками права, нерешительны в принятии юридических решений и т.д.

В контексте развитаемого А. С. Бондаревым подхода, юридическая ответственность оказывается свойством далеко не всякого, а только лишь высокоразвитого, так называемого «нормального правосознания».

И. А. Ильин определял нормальное правосознание «как особый способ жизни, которым живет душа, предметно и верно переживающая право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах)» [8, с. 166]. Правда, философ тут же оговаривался, что «этот строй душевной жизни есть, конечно, нечто идеальное» [8, с. 166]. В действительности же многие люди не только не знают действующее право в необходимой мере, но и не понимают его истинного значения. И тем не менее, такое незнание и непонимание вовсе не отменяют права (и всех его институтов) как объективно значимого фактора социальной жизни. В этом, отмечал И. А. Ильин, может убедиться каждый человек, впервые встречающийся с правовым регулированием. «И первое, на что наталкивается его сознание, это то, что все эти характеристики, последствия, выводы и т. д. сохраняют свое значение даже в том случае, если он их не захочет признать и если он будет действовать так, как будто он о них ничего не знал или как будто бы их «вовсе не было». Оказывается, что «значение» их не нуждается в его сознании, согласии и признании... Он видит, что его жизнь оплетена какой-то сетью так, что он фактически может с нею не считаться, но что она от этого не порывается и не исчезает» [8, с. 176-177].

Попытки представить юридическую ответственность в виде особого свойства (качества) самого субъекта права, отождествить ее содержание с состоянием его сознания и воли, связать данное понятие с исключительно позитивными установками личности и т.п., игнорируют тот факт, что право социально и институционально по своей природе. Субъект может знать или не знать действующее право, принимать или не принимать его предписаний, но право от этого «не исчезает» и не утрачи-

вает своего регулятивного значения. Эта объективность права и связанных с его действием юридических последствий человеческого поведения и есть то «первое, на что наталкивается» сознание субъекта.

Если право сохраняет объективное значение регулятора общественных отношений независимо от субъективного отношения к нему отдельно взятого индивида, то указанным свойством, по-видимому, должна обладать и юридическая ответственность. В противном случае пришлось бы утверждать, что уголовное, гражданское, административное и другие отрасли права существуют объективно в виде системы соответствующих норм, а аналогичные виды ответственности присутствуют только в сознании субъектов уголовно-правовых, гражданских и пр. отношений. Из этого следовало бы заключить, в частности, что, например, уголовная ответственность определяется не нормами уголовного права, а субъективным отношением лица к установленным запретам, что указанная ответственность является не уголовно-правовым институтом, а сугубо внутренним (психическим) переживанием многочисленных субъектов уголовно-правовых отношений. Такой подход по существу означал бы отрицание социально-нормативной природы юридической ответственности и ее отождествление с индивидуальными чувствами, переживаниями, представлениями и прочими явлениями, отражающими состояние и особенности механизма психической регуляции поведения субъектов общественных отношений.

Между тем, юридическая ответственность – это прежде всего особый правовой институт. И в качестве такового она сохраняет все важнейшие свойства права как специфичного регулятора общественных отношений. Она нормативна, формально определена, опирается на возможность принудительного осуществления и т.д. Именно эти (и другие) свойства и позволяют говорить о юридической ответственности как особой разновидности социальной ответственности.

Как и право в целом, юридическая ответственность выражает объективную потребность в сохранении и упрочении такого социального порядка, при котором были бы публично гарантированы, по крайней мере, наиболее важные условия нормальной жизнедеятельности индивида и общества (жизнь, собственность, личная неприкосновенность, определенный государственный строй и пр.). По мере развития общества, его интеллектуального и нравственного взросления, перечень этих условий (благ) меняется. Обновляется и сама юридическая ответственность, наполняясь более цивилизованным и гуманным содержанием и формами реализации. Но в общем и целом юридическая ответственность всегда остается своеобразным форпостом на пути проявления наиболее вредоносных интересов. Она срабатывает в тех случаях, когда отказывают механизмы моральной и иной социальной ответственности и индивидуальный эгоизм выходит за рамки официально допустимых правовых границ, угрожая безопасности других людей, общества, государства. В таких случаях «эта безопасность, не обеспеченная законом нравственным самим по себе, который не существует для людей с преобладающими противообщественными инстинктами, ограждается законом принудительным, который имеет действительную силу и для них» [9, с. 330].

По общему правилу, правовые границы, определяющие сферу индивидуального произвола, настолько очевидны для каждого психически здорового человека, что их понимание и соблюдение вовсе не требует от индивида каких-то сверхъестественных интеллектуальных усилий, особого эмоционально-волевого напряжения и т.д. Для того, чтобы люди не убивали, не насиловали, не грабили и т.д. друг друга, вовсе не обязательно знание соответствующих статей уголовного закона. В некоторых странах и сегодня существует практика осуществления правосудия лицами, не имеющими юридического образования. В известном смысле она используется и

в России в виде суда присяжных. Означает ли это, что правосудие в таких случаях творится юридически безответственными субъектами?

Разумеется, нет. Способность оценивать свое собственное и чужое поведение на предмет его соответствия основополагающим нравственно-правовым императивам отнюдь не является исключительным свойством исключительных людей. Никакой правопорядок не смог бы существовать и развиваться, если бы общество в своей основной массе не разделяло его требований и не претворяло их в жизнь. Поэтому в действительности оказывается, что так называемая позитивная ответственность является отнюдь не исключением, а нормой правовой жизни.

Приступая к регулированию тех или иных общественных отношений, законодатель исходит из того, что большинством граждан устанавливаемые требования будут восприняты положительно. Основанием подобной уверенности является общая позитивная направленность правового регулирования, его нацеленность на достижение определенных социально-полезных результатов. Жизненный опыт, воспитание, существующая практика подсказывают индивиду, что жить в согласии с законом гораздо комфортнее и безопаснее, нежели находиться с ним в постоянном конфликте. Прагматичные мотивы подкрепляются и соответствующими морально-этическими принципами (нарушать взятые обязательства не только невыгодно, но и морально предосудительно, и пр.). Все это ведет в конечном счете к преобладанию в общественном сознании позитивно-правовых установок или, выражаясь другими словами, позитивной ответственности. При этом в юридической сфере, в отличие, например, от нравственности, позитивная ответственность презюмируется. Предполагается, что психически здоровые, достигшие соответствующего возраста члены общества способны адекватно оценивать предъявляемые к ним правовые требования и руководствоваться ими в своем поведении. И если субъект ведет себя правомерно, не причиняет вреда охраняемым законом интересам других лиц, общества, государства, то такого субъекта с правовой точки зрения никак нельзя назвать безответственным. Здесь действует общее правило: *quivis praesumitur bonus donec probetur contrarium* – каждый предполагается честным, пока не доказано обратное. «Заключает ли гражданин договор купли-продажи или иную гражданско-правовую сделку, дает ли потерпевший, свидетель показания, приводит ли истец доказательства в обоснование иска, вступают ли юноша и девушка в брак, во всех случаях они предполагаются добропорядочными, не имеющими дурных помыслов» [10, с. 107].

Известно, что право, определяя границы поведения субъекта, оставляет широкий простор для внутренних проявлений личности. В свое время в отечественной литературе активно пропагандировалась мысль К. Маркса о том, что «помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом». Задолго до К. Маркса на это указывали и многие другие мыслители. В частности, И. Кант подчеркивал, что для права важна легальность, а не моральность поступка. «То законодательство, которое делает поступок долгом, а этот долг также мотивом, есть этическое законодательство; то законодательство, которое не включает это условие в закон и, стало быть, допускает и иной мотив, а не самое идею долга, есть юридическое законодательство» [11, с. 126]. Иными словами, право вовсе не требует (но и не запрещает), чтобы субъект соблюдал Конституцию непременно из уважения к ней как Основному Закону, чтобы он строго следовал предписаниям уголовного, гражданского и иного законодательства, исключительно и только во имя господства этого законодательства и пр. Мотивация поведения в правовой сфере может быть самой разнообразной. Соблюдая Конституцию, субъект в то же время может оценивать ее

предписания как несправедливые, недемократичные, негуманные, выступать с критикой Основного закона, призывая к его пересмотру и пр. Как оценивать подобные умонастроения и действия с позиций позитивной юридической ответственности? И каков объективный критерий подобной оценки? Вопросы эти не столь безобидны, если учесть, что духовная жизнь современного общества весьма многопланова и неоднородна. Разнообразно и правосознание людей. Достаточно вспомнить о делящейся многие годы полемике по поводу Конституции России, в ходе которой выявились взаимоисключающие позиции: в то время как одни называют Конституцию антинародным актом, другие, напротив, считают ее едва ли не венцом правового развития России.

Ценность юридической ответственности, помимо прочего, состоит в том, что она устанавливается за вполне определенные деяния и тем самым ограждает человека от произвольных оценок его помыслов, чувств, намерений, а в конечном счете и самого поведения как позитивно ответственного или безответственного. Пока Раскольников всего лишь рассуждал о «позитивной ответственности» необыкновенных (великих) людей, которые, дескать, не только могут, но и «по совести» обязаны перешагивать через трупы людей обычных во имя осуществления своих идей и замыслов, юридическая ответственность его не касалась. Но как только он от дружеских бесед и журнальных статей перешел к делу и совершил убийство ростовщицы – он вступил в сферу юридической ответственности и наказания. Об этой гарантирующей функции права хорошо сказал С.Соловьев: «Ибо человек должен быть нравственным свободно, а для этого нужно, что бы ему была предоставлена и некоторая свобода быть безнравственным. Право в известных пределах обеспечивает за ним эту свободу, нисколько, впрочем, не склоняя пользоваться ею» [9, с. 331].

Как и другие виды социальной ответственности, юридическая ответственность, конечно, немислима вне живых человеческих индивидов. Это всегда ответственность кого-то перед кем-то на основании чего-то и за что-то. В юридической сфере все эти моменты, как известно, строго формализованы, что является гарантией от произвола и иных злоупотреблений.

Если субъект прекращает свое физическое существование (умирает), то, естественно, прерываются и все живые связи с этим лицом. Тем не менее, из этого обстоятельства было бы неправильно делать вывод, что «с исчезновением последнего, исчезает и его юридическая ответственность» (А.С. Бондарев). В физическом смысле – да, исчезает. В юридическом же смысле ответственность субъекта в некоторых случаях продолжает «жить» и после его физической смерти. Подтверждением этого является институт правопреимства, суть которого в переходе прав и обязанностей от одного лица к другому. Этот институт действует в национальном и международном праве. С известными ограничениями он распространяется и на отношения ответственности. В частности, ст. 1175 ГК РФ закрепляет норму об ответственности наследников по долгам наследодателя.

Понятно, что подобная норма была бы невозможна, если бы юридическая ответственность являлась свойством самого субъекта права. Ясно и то, что слово «ответственность» в данном случае никак нельзя заменить термином «наказание» или его аналогом.

Однако все эти и им подобные затруднения отпадают сами собой, если принять во внимание социально-институциональную природу права и «прямую объективность его задачи», в силу которой, «правдо ставит объективное осуществление своих предписаний выше субъективного в нем участия лица, к которому эти предписания обращены» [12, с. 266].

Юридическая ответственность оказывается при таком взгляде не свойством субъекта права как такового, а свойством тех общественных отношений, которые уре-

гулированы правом и участником которых он является (являлся). Вступая в те или иные правовые отношения, субъект принимает на себя и соответствующую ответственность за надлежащее осуществление своих прав и обязанностей. Потенциально (в виде возможных неблагоприятных последствий), юридическая ответственность сопровождает правоотношение на всем протяжении его существования, являясь его гарантирующим элементом. Реально же она вступает в действие в тех случаях, когда правовые требования нарушаются и тем самым причиняется вред правам и законным интересам других лиц. При этом с точки зрения закона (и управомоченного субъекта), зачастую, вовсе не важно, кто «лично» исполнит то или иное обязательство, например, возместит причиненный ущерб. Важно, чтобы известное обязательство было исполнено и чтобы известное право получило законное удовлетворение.

Можно заметить, что и в сфере уголовно-правовой регуляции вопрос ответственности отнюдь не является личным делом преступника и меньше всего связан с его субъективным отношением к действующему уголовному закону, своим уголовно-правовым обязанностям и правам потерпевшего. Он не властен по своему желанию не только прекратить отношения уголовной ответственности (разумеется, при наличии необходимых законных оснований), но и в индивидуальном порядке возложить ее на себя.

Все это говорит о том, что концепция юридической ответственности как исключительно позитивного свойства субъектов права является односторонней. Она игнорирует объективные свойства права как надличностного (институционального) регулятора и ведет к необоснованной субъективизации отношений юридической ответственности. Между тем, факты личной безответственности отдельных субъектов правовой жизни не только не исключают, но, напротив, закономерно предполагают существование и действие института юридической ответственности в качестве важнейшей гарантии обеспечения правопорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РФ. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 16.09.2003 №131-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 2008 год. М., 2008.
2. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности / под ред. Р. Л. Хачатурова. 2-е изд. СПб., 2004.
3. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.
4. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М., 2009.
5. Липинский Д. А. Юридическая ответственность // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. А.В. Малько. М., 2012. С. 511-531.
6. Бондарев А. С. Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 1. С. 133-144.
7. Бондарев А. С. Современные формы, средства и методы воспитания правовой культуры россиян. Пермь, 2009.
8. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М., 2003.
9. Соловьев В. С. Оправдание добра : Нравственная философия. М., 1996.
10. Бабаев В. К. Правовая система общества // Общая теория права : курс лекций / под общей ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
11. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4 (2). М., 1965.
12. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001.

THE SENSE OF RESPONSIBILITY AND THE OBJECTIVITY OF THE LEGAL ORDER

© 2014

V.A. Rudkovskii, Doctor of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State
Volgograd State University, Volgograd (Russia)

Annotation: The concept of legal responsibility being an exclusively positive feature of the subjects of law is criticized in the article. The determination of legal responsibility by the objective attributes of law as an institutional regulator of public relations is revealed.

Keywords: law, legal responsibility, sense of responsibility, positive responsibility, negative responsibility, legal order.

УДК 34.0

ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ КАК ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ

© 2014

С.Ю. Суменков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Теория государства и права и политология»
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», Пенза (Россия)

Аннотация: В статье раскрывается смысл такого феномена как исключение в праве, которые рассматриваются как оценочные понятия во многом зависящие от усмотрения правоприменителя. Автор подчеркивает реальную необходимость исключений в праве, позволяющих обеспечивать оперативность и гибкость правового регулирования. Вместе с тем в статье освещается целый ряд моментов, способных привести к негативному эффекту в случае произвольного оценивания тех или иных факторов как исключений из правил.

Ключевые слова: исключения в праве, оценочное понятие, правоприменительное усмотрение, исключительный случай, нормативный термин.

Уникальность права состоит в том, что оно, объективно предполагая типизацию регламентируемой социальной среды, имеет возможность учитывать неоднородность, многогранность и разносторонность подпадающих под его упорядочивающее воздействие тех или иных ситуаций, процессов, а также субъектов, в них участвующих.

Догмой стало восприятие права в качестве общего, единого для всех регулятора, направленного на унификацию и стандартизацию соответствующих общественных отношений. Соглашаясь с данной точкой зрения, стоит тем не менее реально понимать за счет чего достигается универсальность права, чем можно объяснить всеобщность права, способность адекватно реагировать на неоднозначные и динамичные жизненные казусы.

На наш взгляд, среди ресурсов права, позволяющих адекватно отвечать многообразию окружающей действительности, магистральной является допустимость присутствия в праве такого феномена, как исключение.

Суть исключения в том, что оно санкционирует в некоторых ситуациях или (и) для отдельных лиц отличающиеся от правила вариации поведения. Исключение детерминирует дополнение в правило либо изъятие из него и появление легальной альтернативы последнему. Посредством исключения обеспечивается требуемая гибкость и дифференцированность правового регулирования. В совокупности правило и исключение представляют собой нормативный комплекс, позволяющий достигать максимальной полноты и эффективности выполнения правом своих функций.

Здесь можно только согласиться с С.С. Алексеевым, который пишет о цепочке «из общих правил и исключений, когда законодатель, искусно используя нормативные обобщения и различные порядки регулирования, достигает всестороннего учета многообразных жизненных обстоятельств» [1, с. 240-241].

Упоминание о правилах заслуживает самого пристального внимания, ибо неразрывная связь исключения и правила не только выступает отличительной характеристикой исключений, но и в определенной степени служит детерминантой и оправданием тезиса об их «несамостоятельности».

По нашему мнению, не может быть исключений без правил, равно как и трудно представить существование правила без исключений [2, с. 60-66].

Такая взаимозависимость не означает поглощения одного феномена другим и утраты тем самым собственной функциональной роли какого-либо элемента, составляющего правовую дихотомию.

При этом исключения в праве должны быть обязательным образом отражены в юридических нормах, издаваемых либо санкционируемых государством и охраняемых им от нарушений. Весьма категорично заявляет по данному вопросу С.С. Алексеев: «...исключения не могут предполагаться, они всегда должны быть точно указаны в нормативных актах» [1, с. 202].

Принципиально не затрагивая в настоящий момент особенностей норм, содержащих исключения [3, с. 17-21], хотелось бы отметить следующее.

Именно сосредоточение исключений в нормах права легитимирует исключения; позволяет считать их приемом юридической техники и юридическим средством, предлагающим отличный, иногда прямо противоположный правилу вариант регуляции.

Фиксация исключений в нормах права позволяет солидаризоваться с С.Т.В. Кашаниной, трактующей исключение как прием правотворческой техники [4, с. 192].

Подобное уточнение более чем верно, ибо позволяет не только определить место исключений в арсенале юридической техники, но и проследить генезис исключений и специфику их воздействия на правило.

Здесь, как думается, уместен такой алгоритм: а) исключение возникает за счет правотворчества – в процессе правотворчества создаются нормы, в которых при необходимости закрепляются исключения; б) посредством исключения субъект правотворчества санкционирует изъятие из правила либо дополнение в правило (иногда – совокупность изъятий и дополнений); в) результат применения приема исключения в правотворчестве – появление альтернативной правилу разновидности регулирования.

По нашему мнению, непременным условием нормативного оформления исключения служит обязательное указание на то, что допускаемая корреляция правила выступает именно исключением из него.

С.С. Алексеев по данному поводу вводит в оборот выражение «исчерпывающий перечень». В частности, ученый пишет: «Существенным элементом режима исключений... является категория «исчерпывающий перечень» («перечисленное с полной точностью», по ленинским словам). ...При этом социальный и юридический эффект исчерпывающего перечня проявляется в полной мере тогда, когда он действительно выражен в полном списке обстоятельств, категорий лиц и т.д., списке замкнутом, «с точкой». Иначе на практике могут возникнуть трудности, а значение перечня сведено на нет» [1, с. 203-204].

На наш взгляд, примером такого перечня может слу-